



Герасим Аникин

День огорчения и радости

18+

Герасим Аникин

День огорчения и радости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73501888

SelfPub; 2026

Аннотация

В рассказе показаны противоположные по характеру события одного дня главной героини. Огорчения в его начале ведут к осознанию произошедшей трагедии с некогда близким другом. Преодолев чувство ранее нанесённой обиды, она помогает ему в, казалось, безнадёжной ситуации. И судьба вознаградила её радостью встречи с неординарным человеком, душевная теплота которого придаёт героине ощущение волшебного полёта...

Герасим Аникин

День огорчения и радости

Посвящается Галине Великовской

День у Элеоноры Исааковны, как всегда, начинался с раннего пробуждения и продолжался по намеченному ранее плану. Сегодня, в связи с отсутствием передачи по социальной сети занятий йогой и так ею любимой нейрографикой, запланировано посещение старого друга и бывшего одноклассника Давида. Когда-то они были достаточно близки не только в стенах вуза, но и при посещении театров, концертов, дискотек и других мест развлечения. Их объединял взаимный интерес к искусству, литературе, да и к разным сторонам жизни в целом. Обмениваясь мнениями обо всём этом, они находили много общих или схожих суждений и оценок. Но, как человек творческий, Давид особо раскрывался во время туристических походов, читая стихи часто неизвестных поэтов и исполняя под гитару песни по популярной в студенческой среде тематике. Порой, под напором вопросов об авторстве этих произведений сознавался, что они были результатом его вдохновения.

Надо ли сомневаться, что Элеонора увлеклась Давидом. Аналогичные чувства были видны по поступкам и у него. Стало очевидным наступление времени перевести взаим-

ность в более крепкую форму. И однажды Давид сказал Элеоноре, что его мама хочет с ней познакомиться. Обговорили время встречи, и они вместе пошли за решением своего будущего. Причём, Элеонора предварительно принарядилась по её понятиям как претендентка на положительный исход знакомства.

Мама встретила Элеонору внешне благожелательно. Правда, в поведении мамы чувствовалась некоторая напряжённость. Но Элеонора сделала для себя вывод, что для первого знакомства некая неловкость неизбежна.

Однокомнатная квартира, в которой жил Давид вместе с мамой, была обставлена новой мебелью, что показывало неплохое по тем временам положение проживающих. Попили чайку с печеньем. Мама порасспрашивала Элеонору о её семье, учёбе и планах на будущее. При этом, она постоянно видела на себе внимательный взгляд мамы и ощущала себя предметом изучения. Пообщались не очень долго, и Давид проводил Элеонору до общежития, где она жила.

На следующий день Давид при встрече с Элеонорой был хмур и явно чувствовал себя неловко. На вопрос о причине такого вида, он сказал:

– Мама не рекомендовала мне встречаться с тобой, так как ты слишком красива и, наверняка, будешь изменять мне, а то и уйдёшь от меня в конце концов.

Элеонора не стала выяснять и уточнять причину такого мнения о себе, хотя удар по её самолюбию был нанесён

неожиданно и резко. Её гордый характер требовал того, чтобы не показать своё состояние другим, видевшим их постоянно рядом друг с другом. Конечно, многие заметили изменение их отношений. Были осторожные попытки подруг, завидовавших ей, выяснить причину произошедшего. Но в молодёжной среде такое, а то и более сложное, случается нередко, и скоро на эту тему даже не шушукались.

Жизнь шла своим чередом, и по окончании обучения пути многих разошлись настолько далеко, что не только увидеться, но и просто вспомнить былое, становилось всё труднее. Но Элеонора Исааковна тринадцать лет назад случайно встретила с Давидом. Узнали друг друга не сходу, но в результате посидели в кафе, поговорили, не акцентируя обиды. Вспоминали, как интересно было оценивать происходящее, как во многом совпадали их мнения. Оказалось, что работает он сотрудником в местной газете, живёт там же с мамой. Не женился. В целом, радости от встречи не было, хотя интерес к воспоминаниям не остыл. С этим и разошлись вновь на неизвестное по длительности время.

И вот пару месяцев назад Элеонора Исааковна вновь столкнулась с Давидом в транспорте. Вид у него был явно неухоженного мужчины: точно не новое пальто, немодные тупоносые ботинки, фуражка, какие не носят уже давно. Чувствовалось, что загружен он какими-то нелёгкими мыслями. Сели на скамейку рядом. И неожиданно Давид сказал.

– А ты знаешь, что без тебя у меня не было таких инте-

ресных культурных мероприятий и их обсуждений. Всё делаю то, что кому-то надо, и мало что приятно мне. У тебя вот семья есть?

– Конечно. Две дочери, четыре внука. А у тебя как дела в этом плане?

– А я так и не женился. Живу там же вместе с мамой. Зашла бы как-нибудь в гости, а то я уже скоро общаться разучусь. Жизнь идёт, вроде, но мимо меня. Придёшь, и я, глядишь, почувствую её, и что жив ещё.

– Согласна. Адрес я примерно помню. Будет свободное время, обязательно приду. Давай, обменяемся телефонами. За день до приезда я позвоню.

С тем и разошлись они с надеждой на встречу у одного и с желанием помочь когда-то близкому человеку у другого.

* * *

Вот и настал у Элеоноры Исааковны тот свободный от других интересов день, когда можно было исполнить своё обещание. Вчера, как и договаривались, она позвонила Давиду, и он ещё раз повторил своё приглашение и ожидание. Ехать надо с пересадкой на двух электричках. Времени было достаточно, чтобы вспомнить былое, оценить неожиданную просьбу Давида и его странный вид.

Дом Элеонора Исааковна нашла сразу. Когда-то новая, а сейчас обшарпанная «хрущёвка» в сочетании с искорёжен-

ными горками и качелями на детской площадке, показывали, что живут здесь не самые обеспеченные люди.

На звонок дверь открыл сам Давид и, галантно пропустив гостью, помог снять и повесить верхнюю одежду. Прошли в комнату, и Элеонора Исааковна с удивлением увидела ту самую мебель, которая была при её первом посещении. Правда, дверце шкафа не давал самопроизвольно открыться припёртый к ней стул. В не лучшем виде были все сохранившиеся стулья. В углу стопками лежали покрытые пылью какие-то книги и пожелтевшие газеты. Да и состояние всей комнаты показывало, что кто-то здесь обитает, не уделяя внимания более-менее комфортному проживанию. Новым элементом мебели была только скрывающая кровать ширма. Ну, и, конечно, неприятно воспринимался специфический запах, наполняющий всю квартиру.

– Там лежит мама, – махнул Давид рукой в сторону ширмы, – она парализована после инсульта и полностью обездвижена.

– А можно я поздороваюсь с ней? – спросила Элеонора Исааковна, привыкшая к такой культуре начала общения.

– Поздоровайся. Только она, в основном, спит.

Элеонора Исааковна заглянула за ширму. Мама Давида лежала неподвижно, но с открытыми и устремлёнными в потолок глазами.

– Здравствуйте, – сказала Элеонора Исааковна.

Никакой реакции от лежащей не последовало.

– Она, может, и слышит, но ответить не может, – сказал Давид.

– Кто-то помогает тебе? – спросила Элеонора Исааковна.

– А кто мне будет помогать, ведь она не одобрила ни одной женщины, которые соглашались жить со мной.

«Родительский эгоизм», – вспомнила Элеонора Исааковна, слышавшая когда-то название этому феномену.

– И ты один справляешься с уходом за ней?

– А что делать? Свободного времени много. Я ведь не работаю, – отвечал Давид.

– Почему? – взволновалась Элеонора Исааковна.

– Работал я, может быть, ты помнишь, в местной газете. Было время активных преобразований. Организовывались новые предприятия, кооперативы и другие организации. И вот одна фирма заказала мне написать хвалебную статью об их деятельности. Рассказали, чем занимаются, какую продукцию выпускают, какие большие зарплаты работникам дают. Я постарался, написал, и наша газета опубликовала статью.

– Представляю её, ведь помню твои замечательные стихи и песни, – порадовалась Элеонора Исааковна.

– Да, заплатила мне эта фирма немалый гонорар. Я, естественно, был рад, ведь в газете платили немного. Но далее ситуация изменилась.

– И что же случилось?

– А то, что глава фирмы заявил мне о дополнительной

плате за работу в виде угощения в ресторане. У них, якобы, так принято. Я отпирался, но он утверждал, что отказ по их понятиям равносителен неуважению. Ну, и я был вынужден согласиться.

– Пока ничего плохого не вижу, – констатировала Элеонора Исааковна.

– Я тоже надеялся сделать вид получения удовольствия и уйти незаметно. Но не тут-то было. Сотрудников фирмы было немного, но тосты шли непрерывной чередой, и каждый раз: «Ты нас уважаешь?» В общем, потерял я контроль над собой, а они, попрасидновав, забыли отвезти меня домой.

– Вот так фирма! – возмутилась Элеонора Исааковна.

– Было уже поздно. Я пошёл пешком. Зима. Я, видимо, поскользнулся, упал в сугроб и заснул.

– Какой ужас!

– К утру меня нашли прохожие. В больнице констатировали сильное обморожение и ампутировали несколько пальцев рук и ног.

С этими словами Давид показал скрываемые до этого руки. То, что увидела Элеонора Исааковна, ужаснуло её.

– А ты говорил об этом с главой фирмы? – спросила она после выхода из шокового состояния.

– Был контакт, но не по моему желанию. Фирма на самом деле оказалась бандой. Моей статьёй они хотели показать конкурентам свой авторитет. Это вскрыло позднее организованное следствие. Хорошо ещё, что я был только в ка-

честве свидетеля. Но в газете, естественно, всё узнали и заставили меня уволиться. Благо, пенсию по инвалидности получить удалось, а то бы вообще без средств к существованию остались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.